

Гость

У частного поверенного Зельтерского слипались глаза. Природа погрузилась в потемки. Затихли ветерки, замолкли птичек хоры, и прилегли стада. Жена Зельтерского давно уже пошла спать, прислуга тоже спала, вся живность уснула, одному только Зельтерскому нельзя было идти в спальную, хотя на его веках и висела трехпудовая тяжесть. Дело в том, что у него сидел гость, сосед по даче, отставной полковник Перегарин. Как пришел он после обеда и как сел на диван, так с той поры ни разу не поднимался словно прилип. Он сидел и хриплым, гнусавым голосом рассказывал, как в 1842 г. в городе Кременчуге его бешеная собака укусила. Рассказал и опять начал снова. Зельтерский был в отчаянии. Чего он только ни делал, чтобы выжить гостя! Он то и дело посматривал на часы, говорил, что у него голова болит, то и дело выходил из комнаты, где сидел гость, но ничто не помогало. Гость не понимал и продолжал про бешеную собаку.

Этот старый хрыч до утра просидит! злился Зельтерский. Такая дубина! Ну, уж если он не понимает обыкновенных намеков, то придется пустить в ход более грубые приемы.

Послушайте, сказал он вслух, знаете, чем нравится мне дачная жизнь? Чем-с?

Тем, что здесь можно жизнь регулировать. В городе трудно держаться какого-нибудь определенного режима, здесь же наоборот. В девять мы встаем, в три обедаем, в десять ужинаем, в двенадцать спим. В двенадцать я всегда в постели. Храни меня бог лечь позже: не отделаться на другой день от мигрени!

Скажите... Кто как привык, это действительно. Был у меня, знаете ли, один знакомый, некто Ключкин, штабс-капитан. Познакомился я с ним в Серпухове. Ну-с, так вот этот самый Плюшкин...

И полковник, заикаясь, причмокивая и жестикулируя жирными пальцами, начал рассказывать про Плюшкина. Пробило двенадцать, часовую стрелку потянуло к половине первого, а он всё рассказывал. Зельтерского бросило в пот.

Не понимает! Глуп! злился он. Неужели он думает, что своим посещением доставляет мне удовольствие? Ну как его выжить?

Послушайте, перебил он полковника, что мне делать? У меня ужасно болит горло! Чёрт меня дернул зайти сегодня утром к одному знакомому, у которого ребенок лежит в дифтерите. Вероятно, я заразился. Да, чувствую, что заразился. У меня дифтерит!

Случается! невозмутимо прогнусавил Перегарин.

Болезнь опасная! Мало того, что я сам болен, но могу еще и других заразить.

Болезнь в высшей степени прилипчивая! Как бы мне вас не заразить,

Парфений Саввич!

Меня-то? Ге-ге! В тифозных гошпиталях живал не заражался, а у вас вдруг заражусь! Хе-хе... Меня, батенька, старую кочерыжку, никакая болезнь не возьмет. Старики живучи. Был у нас в бригаде один старенький старичок, подполковник Требьен... французского происхождения. Ну-с, так вот этот Требьен...

И Перегарин начал рассказывать о живучести Требьена. Часы пробили половину первого.

Виноват, я вас перебью, Парфений Саввич, простонал Зельтерский. Вы в котором часу ложитесь спать?

Когда в два, когда в три, а бывает так, что и вовсе не ложусь, особенно ежели в хорошей компании просидишь или ревматизм разгуляется. Сегодня, например, я часа в четыре лягу, потому до обеда выспался. Я в состоянии вовсе не спать. На войне мы по целым неделям не ложились. Был такой случай. Стояли мы под Ахалцыхом...

Виноват. А вот я так всегда в двенадцать ложусь. Встаю я в девять часов, так поневоле приходится раньше ложиться.

Конечно. Раньше вставать и для здоровья хорошо. Ну-с, так вот-с... стоим мы под Ахалцыхом...

Чёрт знает что. Знобит меня, в жар бросает. Всегда этак у меня перед припадком бывает. Надо вам сказать, что со мною случаются иногда странные, нервные припадки. Часу этак в первом ночи... днем припадков не бывает... вдруг в голове начинается шум: жжж... Я теряю сознание, вскакиваю и начинаю бросать в домашних чем попало. Попадется под руку нож я ножом, стул я стулом. Сейчас знобит меня, вероятно, перед припадком. Всегда знобом начинается.

Ишь ты... А вы полечились бы!

Лечился, не помогает... Ограничиваюсь только тем, что занедолго до припадка предупреждаю знакомых и домашних, чтобы уходили, а лечение давно уже бросил...

Пссс... Каких только на свете нет болезней! И чума, и холера, и припадки разные...

Полковник покачал головой и задумался. Наступило молчание.

Почитаю-ка ему свое произведение, надумал Зельтерский. Там у меня где-то роман валяется, в гимназии еще писал... Авось службу сослужит...

Ах, кстати, перебил Зельтерский размышления Перегарина, не хотите ли, я

почитаю вам свое сочинение? На досуге как-то состряпал... Роман в пяти частях с прологом и эпилогом...

И, не дожидаясь ответа, Зельтерский вскочил и вытащил из стола старую, заржавленную рукопись, на которой крупными буквами было написано: Мертвая зыбь. Роман в пяти частях.

Теперь наверное уйдет, мечтал Зельтерский, перелистывая грехи своей юности. Буду читать ему до тех пор, пока не вззоет...

Ну, слушайте, Парфений Саввич...

С удовольствием... я люблю-с...

Зельтерский начал. Полковник положил ногу на ногу, поудобней уселся и сделал серьезное лицо, очевидно, приготовился слушать долго и добросовестно... Чтец начал с описания природы. Когда часы пробили час, природа уступила свое место описанию замка, в котором жил герой романа граф Валентин Бленский.

Пожить бы в этаким замке! вздохнул Перегарин. И как хорошо написано! Век бы сидел да слушал!

Ужо погоди! подумал Зельтерский. Взвоешь!

В половину второго замок уступил свое место красивой наружности героя...

Ровно в два чтец тихим, подавленным голосом читал:

Вы спрашиваете, чего я хочу? О, я хочу, чтобы там, вдали, под сводами южного неба ваша маленькая ручка томно трепетала в моей руке... Только там, там живее забьется мое сердце под сводами моего душевного здания... Любви, любви!.. Нет, Парфений Саввич... сил нет... Замучился!

А вы бросьте! Завтра дочитаете, а теперь поговорим... Так вот-с, я не рассказал вам еще, что было под Ахалцыхом...

Измученный Зельтерский повалился на спинку дивана и, закрыв глаза, стал слушать...

Все средства испробовал, думал он. Ни одна пуля не пробила этого мастодонта. Теперь до четырех часов будет сидеть... Господи, сто целковых дал бы теперь, чтобы сию минуту завалиться дрыхнуть... Ба! Попрошу-ка у него денег займы! Прелестное средство...

Парфений Саввич! перебил он полковника. Я опять вас перебую. Хочется мне попросить вас об одном маленьком одолжении... Дело в том, что в последнее время, живя здесь на даче, я ужасно истратился. Денег нет ни копейки, а между тем в конце августа мне предстоит получка.

Однако... я у вас засиделся... пропыхтел Перегарин, ища глазами фуражки. Уж третий час... Так вы о чем же-с?

Хотелось бы у кого-нибудь взять займы рублей двести, триста... Не знаете ли вы такого человечка?

Где ж мне знать? Однако... вам бай-бай пора... Будемте здоровы... Супруге

вашей...

Полковник взял фуражку и сделал шаг к двери.

Куда же вы?.. заторжествовал Зельтерский. А мне хотелось вас попросить...

Зная вашу доброту, я надеялся...

Завтра, а теперь к жене марш! Чай, заждалась друга сердешного... Хе-хе-хе...

Прощайте, ангел... Спать!

Перегарин быстро пожал Зельтерскому руку, надел фуражку и вышел. Хозяин торжествовал.